

Глава VI.

Назначеніе М. Ю. Лермонтова въ Тенгинскій полкъ. Краткая его біографія до прибытія на Кавказъ. Назначеніе Лермонтова въ отрядъ генерала Галафѣева. Бой на Валерикѣ. Выдержка изъ журнала военныхъ дѣйствій ген. Галафѣева. Боевыя отличія Лермонтова. Отрывокъ изъ стихотворенія «Валерикъ». Движеніе въ Чечню. Аттестаціи храбрости Лермонтова, сдѣланныя генераломъ Галафѣевымъ и кн. Голицынымъ. Пребываніе Лермонтова въ Тенгинскомъ полку. Отѣздъ его въ отпускъ. Возвращеніе на Кавказъ. Смерть Лермонтова. Похороны его и открытіе памятника. 1841 годъ. Расположеніе полка на береговой линіи. Бѣдствіе полка въ хозяйственномъ отношеніи. Вооруженія убыховъ. Дѣйствія отряда полковника Муравьева въ Цебельдѣ. Постройка Гагринскаго укрѣпленія. Союзъ нашъ съ джигетами. Враждебныя дѣйствія убыховъ противъ джигетовъ. Движеніе нашего отряда на ихъ защиту. Покорность убыховъ. Нарушеніе ими присяги и блокада Навагинскаго укрѣпленія. Движеніе на выручку. Сосредоточеніе отряда у св. Духа. Бой 22-го іюля. Снятіе осады Навагинскаго укрѣпленія. Прибытіе милицій. Движеніе отряда Муравьева въ землю убыховъ. Трехдневный бой 8—10 октября. Награды полку. Постройка сочинскаго блокгауза. Возвращеніе полка на Кубань. Состояніе полка. Убыль. Отдыхъ полка. Строгий смотръ полковника Назимова. Дѣятельность 5-го резервнаго баталіона за Кубанью. Образованіе резервной дивизіи. 6-й резервный баталіонъ Тенгинскаго полка.

Описывая послѣднія бурныя событія, въ которыхъ на долю тенгинцевъ выпала столь видная роль, нельзя обойти молчаніемъ боевую дѣятельность Михаила Юрьевича Лермонтова, котораго Тенгинскій полкъ съ гордостью считаетъ въ своихъ рядахъ.

Высочайшимъ приказомъ отъ 13-го февраля 1840 года онъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ изъ поручиковъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка «за произведенную, по собственному сознанію, дуэль и за не донесеніе объ этомъ тотчасъ своему начальству»; такъ гласитъ его формулярный списокъ *).

Біографія М. Ю. Лермонтова слишкомъ извѣстна, чтобы долго останавливаться на ней, но считаемъ не лишнимъ напомнить главнѣйшіе моменты его короткой, но полной несчастныхъ превратностей жизни.

Родился Михаилъ Юрьевичъ 2-го октября 1814 года и про-

*) См. Приложение X. Формулярный списокъ поручика Лермонтова.

исходилъ по отцу отъ древняго шотландскаго рода, переселившагося въ Россію въ началѣ XVII столѣтія; съ материнской стороны онъ принадлежалъ къ старинной боярской фамиліи Арсеньевыхъ и Столыпиныхъ, весьма гордившихся знатностью своего происхожденія. Это послѣднее обстоятельство было причиной нѣкотораго разлада между материнской родней и отцомъ поэта, разлада, положившаго грустную тѣнь на всѣ его молодые годы.

Рано потерявъ мать, онъ воспитывался въ домѣ бабушки своей Елизаветы Михайловны Арсеньевой, перенесшей на внука всю свою любовь и сильно баловавшей его. 11-ти лѣтъ онъ побывалъ на Кавказѣ, который произвелъ на чуткую душу мальчика глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

Лелѣя своего внука, умная Е. М. Арсеньева постаралась ему дать возможно лучшее воспитаніе и, не смотря на то, что въ ея средѣ штатская служба не считалась тогда особенно почетною, готовила его въ университетъ, при чемъ особенное вниманіе было обращено на знаніе языковъ, и М. Ю. былъ въ дѣтствѣ окруженъ иностранцами. Изъ нихъ бонна-нѣмка Х. Ремеръ своимъ честнымъ и добрымъ характеромъ имѣла прекрасное вліяніе на мальчика; изъ французовъ же—полковникъ старой гвардіи Жандро, плѣнникъ двѣнадцатаго года, воспламенилъ душу ребенка и, своими пылкими разказами о пережитой героической эпохѣ, вселилъ своему воспитаннику особенную любовь къ могучей личности Наполеона; это чувство въ послѣдствіи вылилось въ чудныхъ строфахъ «Межъ тѣмъ какъ Франція, среди рукоплесканій...» Весьма возможно, что тѣ же разказы Жандро положили начало симпатіи Лермонтова къ военной карьерѣ.

Въ 1828 году онъ поступилъ въ московскій «Благородный университетскій пансіонъ», а въ 1830 г. перешелъ въ самый университетъ, но пробылъ тамъ всего 2 года и вышелъ оттуда «по прошенію», но въ сущности изъ-за столкновенія съ однимъ изъ профессоровъ (Маловымъ). Переѣхавъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы поступить снова въ университетъ, онъ вмѣсто того поступилъ въ «Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ», нынѣшнее Николаевское кавалерійское учи-

лище, гдѣ кончилъ курсъ и въ концѣ 1834 года былъ выпущенъ корнетомъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ. Университетскіе годы для Лермонтова были годами самосознанія. Въ это время онъ очень много читалъ и написалъ огромное число произведеній, въ которыхъ выражены его главнѣйшія идеи, впоследствии имъ лишь болѣе обработанныя. Годы юнкерства были годами чисто внѣшней жизни, и хотя онъ увлекался блескомъ обстановки и разгуломъ, но втайнѣ считалъ эти годы «deux années terribles». И лира, достойная его генія, замолкла на это время; если онъ и писалъ что, то это не прибавило ничего къ его литературной славѣ, но зато дала ему популярность среди кутящей золотой молодежи.

Въ 1834 году явилось на страницахъ «Библіотеки для чтенія» первое его печатное произведеніе, Хаджи Абрекъ, подписанное полнымъ именемъ, и съ той поры опредѣляется литературная карьера молодого человѣка. Правда, по внѣшности онъ все еще ведетъ жизнь «Маёшки», но въ то же время въ душѣ его теплится нѣчто лучшее, и онъ восклицаетъ:

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,...
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной...

Мысль его работаетъ независимо отъ обстановки, и онъ создаетъ въ это время неподражаемая свои Еврейскія мелодіи, Умирающаго гладиатора, Вѣтку Палестины и др.

Но вдругъ угаснулъ «свѣточъ, дивный геній» Пушкинъ, и въ порывѣ благороднаго негодованія за эту безвинную смерть у Лермонтова вырвалось знаменитое—«Погибъ поэтъ-невольникъ чести...», а черезъ нѣсколько дней, когда выяснилось отношеніе многихъ изъ высшаго свѣта къ смерти Пушкина, появились добавочныя строфы—«А вы, надменные потомки...». Стихи эти конечно не могли быть тогда же напечатаны, но они съ необычайною быстротою облетѣли весь Петербургъ, а затѣмъ и всю Россію. Они дали громкую извѣстность Лермонтову, многіе уже тогда въ авторѣ этихъ желѣзныхъ стиховъ пророчески увидѣли

прямого преемника только что угасшаго генія; другіе же были обижены и именно второй половиной стихотворенія. Вслѣдствіе сильнаго ходатайства послѣднихъ, Лермонтовъ былъ арестованъ и 28-го февраля 1837 года переведенъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ; но къ полку онъ не доѣхалъ и провелъ лѣто и осень въ путешествіяхъ по Кавказу и на водахъ. Въ октябрѣ же мѣсяцѣ хлопотами бабушки былъ снова переведенъ въ гвардію, сначала въ Гродненскій гусарскій, а затѣмъ обратно въ лейбъ-Гусарскій. Въ 1840 году за дуэль съ Барантомъ, сыномъ французскаго посланника, Лермонтовъ былъ переведенъ поручикомъ къ намъ въ полкъ. Таковы въ общихъ чертахъ событія въ жизни М. Ю. Лермонтова, предшествовавшія его третьему и на этотъ разъ послѣдному прибытію на Кавказъ.

10-го іюня 1840 года Лермонтовъ пріѣхалъ въ Ставрополь, главную квартиру командующаго кавказской линіею. Здѣсь онъ встрѣтился со многими петербургскими знакомыми или знавшими его по наслышкѣ, преимущественно гвардейскими офицерами, пріѣхавшими сюда для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ ожиданіи послѣднихъ весело проводившими время *). Лермонтовъ, конечно, сейчасъ же окунулся въ эту жизнь и участвовалъ въ ежедневныхъ шумныхъ обѣдахъ и ужинахъ, устраиваемыхъ въ роскошной по тому времени гостинницѣ Наитаки. Сборища обыкновенно закончивались кутежемъ, послѣ котораго расходились съ музыкой.

Ставрополь былъ перепутьемъ, откуда всѣ командированные на Кавказъ разѣзжались въ разныя стороны. Одни продолжали путешествіе свое въ Грузію, другіе ѣхали на правый или лѣвый фланги. Старшій адъютантъ штаба обыкновенно спрашивалъ, куда кто желаетъ быть отправленнымъ и сообразно этому производилось назначеніе **).

Лермонтову предстояло ѣхать на черноморскую береговую

---

*) При огрядномъ штабѣ въ то время числились: Уланскаго полка штабъ-ротмистръ Шейнъ и поручикъ баронъ Фридериксъ; лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка кн. Долгоруковъ 2-й, Кавалергардскаго Его Величества гр. Ламбергъ и др. Центр. арх. управл. нач. владик. мѣстной бригады, дѣло № 13357.

**) Русскій Вѣстникъ. 1888 г., т. IX. Воспоминанія М. Ц—ръ.

линію, и конечно перспектива попасть въ гарнизонъ одного изъ укрѣпленій, неособенно улыбалась пылкому молодому человѣку, жаждавшему испытать новыхъ, боевыхъ впечатлѣній. Поэтому онъ постарался выхлопотать себѣ командированіе на лѣвый флангъ, гдѣ въ это время начиналось общее возстаніе горцевъ, уже нѣсколько лѣтъ подготовляемое мюридизмомъ. Имя Шамиля начинало становиться грознымъ; онъ уже докончилъ административное устройство края, достаточно сплотилъ разнородныя племена Дагестана и Чечни и готовъ былъ начать свою многолѣтнюю борьбу съ Россіей. На его призывъ уже стеклись ичкеринцы, качкалыковцы, галашевцы, карабулаки и чеченцы. Для усмиренія послѣднихъ, бывшихъ ближайшими нашими сосѣдями, въ іюлѣ 1840 года былъ сформированъ въ крѣпости Грозной отрядъ *) генерала Галафѣева.

Къ этому чеченскому отряду и былъ прикомандированъ поручикъ Лермонтовъ въ числѣ нѣсколькихъ другихъ гвардейскихъ офицеровъ.

6-го іюля войска выступили изъ Грозной по направленію къ аулу Большой Чечень и 10-го числа прибыли въ Гехи. Непріятель пока ничего рѣшительнаго не предпринималъ и ограничивался пустою перестрѣлкою, но удаленіе жителей изъ встрѣчаемыхъ по пути ауловъ говорило, что нужно было ожидать серьезныхъ дѣйствій съ ихъ стороны. Съ разсвѣтомъ 11-го числа отрядъ продолжалъ движеніе; въ авангардѣ, подъ начальствомъ полковника Фрейтага, слѣдовали: три баталіона куринцевъ, 2 роты саперъ и нѣсколько сотенъ донскихъ и линейныхъ казаковъ, при 4-хъ полевыхъ и двухъ конныхъ орудіяхъ; весь обозъ двигался въ центрѣ подъ прикрытіемъ баталіона мингрельцевъ; арьергардъ состоялъ изъ двухъ баталіоновъ князя Варшавскаго полка, 4-хъ орудій и сотни донскихъ казаковъ, подъ общею командою полковника барона Врангеля. Отрядъ продолжалъ двигаться безпрепятственно и наконецъ вступилъ въ гехинскій лѣсъ, вытянувшись узкой колонной по лѣсной дорогѣ. Вдругъ раздался выстрѣлъ, за нимъ другой и пули начали

*) Составъ: 6½ баталіоновъ пѣхоты, 1500 казаковъ, 14 орудій.

свистать по разнымъ направлєніямъ. Авангардъ, подкрѣпленный еще однимъ баталіономъ, бросился въ штыки. Непрїятель былъ прогнанъ. На первой же встрѣчной полянѣ генераль Галафѣевъ перестроилъ отрядъ въ боевой порядокъ и безостановочно продолжалъ движеніе.

«Впереди,—говорится въ журналѣ военныхъ дѣйствій,— виднѣлся лѣсъ, двумя клиньями исходившій съ обѣихъ сторонъ дороги. Рѣчка Валерикъ, протекая по самой опушкѣ лѣса, въ глубокихъ, совершенно отвѣсныхъ берегахъ, пересѣкала дорогу въ перпендикулярномъ направленіи, дѣлая входящій уголъ къ сторонѣ Ачхоя. Правый берегъ былъ болѣе открытъ, по лѣвому же тянулся лѣсъ, который былъ около дороги прорубленъ на небольшой ружейный выстрѣлъ, такъ что вся эта мѣстность представляла нѣчто въ видѣ бастионнаго фронта, съ глубокимъ водянымъ рвомъ. Подойдя къ этому мѣсту на картечный выстрѣлъ, артиллерія открыла огонь. Ни одного выстрѣла не сдѣлано съ непрїятельской стороны, ни малѣйшаго движенія не было видно.

«Мѣстность казалась совершенно ровной, не было видно и малѣйшаго слѣда оврага и казалось, что дорога пресѣкалась. Уже сдѣлано было распоряженіе двинуть въ каждую сторону по одному баталіону съ тѣмъ, чтобы, по занятіи лѣса, люди остановились тамъ, пока не подтянется весь обозъ. Дабы обезпечить пѣхотѣ занятіе лѣса, весь отрядъ продвинулся еще впередъ; Артиллерія подошла уже на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Цѣпь, выдвинутая впередъ, находилась отъ лѣса на половину пистолетнаго выстрѣла. Но съ непрїятельской стороны сохранено то же молчаніе. Едва орудія стали сниматься съ передковъ, какъ чеченцы со всѣхъ сторонъ открыли убійственный огонь противъ пѣхоты и артиллеріи. Въ одно мгновеніе войска двинулись впередъ съ обѣихъ сторонъ дороги. Храбрый и распорядительный командиръ Куринскаго полка, полковникъ Фрейтагъ, самъ впереди велъ на кровавый бой своихъ куринцевъ; съ быстротою обскакалъ онъ ряды ихъ, вездѣ слышенъ былъ ободряющій голосъ его, и въ виду цѣлаго отряда онъ съ неимовернымъ хладнокровіемъ распоряжался атакою.

«Добѣжавъ до лѣса, войска неожиданно остановлены отвѣснымъ берегомъ р. Валерика и срубамн изъ бревенъ, за трое сутокъ впередъ приготовленными непріателемъ, откуда онъ производилъ смертоносный ружейный огонь. Тутъ достойно примѣчанія, что саперы, слѣдуя въ авангардѣ за третьимъ баталіономъ Куринскаго полка и видя, что войска остановлены мѣстнымъ препятствіемъ, безъ всякаго приказанія бросились къ нимъ на помощь, но она не была уже нужна храбрымъ егерямъ. Помогая другъ другу, тѣ переправились черезъ оврагъ по обрывамъ, по грудь въ водѣ, и вскочили въ лѣсъ въ одно время съ обѣихъ сторонъ дороги. Въ лѣсу они сошлись съ чеченцами лицомъ къ лицу; огонь умолкъ на время, губительное холодное оружіе заступило его. Бой продолжался недолго, и шашки уступили штыку. Фанатическое изступленіе отчаянныхъ мюридовъ не устояло противъ хладнокровной храбрости русскаго солдата; числительная сила разбросанной толпы должна была уступить нравственной силѣ стройныхъ войскъ, и чеченцы выбѣжали на поляну, на лѣвый берегъ р. Валерика, откуда картечь изъ 2-хъ конныхъ и 2-хъ пѣшихъ орудій, состоявшихъ подъ командою гвардейской конной артиллеріи поручика Евреинова и 20-й бригады прапорщика Яминскаго, снова вогнали ихъ въ лѣсъ *). Въ лѣсу снова начали раздаваться весьма частые ружейные выстрѣлы. Но это не былъ уже бой, а походило болѣе на травлю дикихъ звѣрей. Избѣгая смерти съ одной стороны и пробираясь между кустами, чеченецъ встрѣчалъ ее неожиданно съ другой стороны.

«Между тѣмъ, когда войска стали вдаваться въ лѣсъ, лежавшая направо часть чеченцевъ, которымъ отступленіе было совершенно отрѣзано, бросилась къ опушкѣ лѣса и начала бить въ обозъ. Противъ нихъ тотчасъ былъ двинутъ полубаталіонъ пѣхо-

---

*) При атакѣ лѣса, между прочими отличившимися начальникъ отряда указывалъ на прикомандированнаго къ Куринскому полку унтеръ-офицера Тенгинскаго полка Казимира Малиновскаго. «Онъ, говорилось въ донесеніи, 11-го іюля съ необыкновенною храбростью дрался въ рукопашной схваткѣ съ непріателемъ при штурмѣ заваловъ, гдѣ былъ изъ числа первыхъ, ворвавшихся въ оныя, и во все время сраженія отличался своею неустрашимостью, ободрявшею солдатъ». Малиновскій былъ награжденъ чиномъ прапорщика.

ты, который и отрѣзалъ непріятеля. Другая партія, также отгѣсненнная къ опушкѣ, вышла на равнину впереди позиціи и бросилась на обозъ съ праваго фланга; замѣтивъ это, начальникъ отряда приказалъ поставить противъ нихъ 2 конныхъ орудія и двинулъ казаковъ впередъ. Чеченцы, пораженные картечнымъ огнемъ и видя приближающуюся кавалерію, стремительно бросились опять въ лѣсъ, гдѣ весьма немногимъ изъ нихъ удалось спастись отъ пораженія нашей пѣхоты. Показавшаяся еще третья менѣе значительная, но болѣе дерзновенная партія была тоже отражена съ успѣхомъ. Въ то же время на лѣвомъ флангѣ первый баталіонъ Мингрельскаго полка, вдавываясь далѣе въ лѣсъ, нашелъ на сильный завалъ чеченцевъ; убійственный огонь поражалъ ихъ, и слабыя двѣ роты съ трудомъ могли держаться противъ многочисленнаго непріятеля, и въ помощь имъ были высланы еще двѣ роты изъ арьергарда. Мало по малу бой началъ стихать; въ лѣсу остались одни только мертвые, и войска начали вытягиваться съ другой стороны поляны, чтобы обезпечить переправу, которую разрабатывали саперы, съ трудомъ отозванные изъ лѣса, гдѣ они нашли пищу для своей необыкновенной храбрости» *).

Объ этомъ боѣ генералъ Галафѣевъ доносилъ: «Успѣху сего дѣла, я обязанъ распорядительности и мужеству полковыхъ командировъ, офицерамъ генеральнаго штаба, а также Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручику Лермонтову, съ коими они переносили всѣ мои приказанія войскамъ въ самомъ пылу сраженія, въ лѣсистомъ мѣстѣ, а потому заслуживаютъ особеннаго вниманія, ибо каждый кустъ, каждое дерево грозило всякому внезапною смертью!» **).

---

*) Черновой журналъ военныхъ дѣйствій отряда генерала Галафѣева за 1840 годъ. Есть основаніе полагать, что этотъ бой изложенъ самимъ Лермонтовымъ; по крайней мѣрѣ почеркъ, какимъ составленъ черновикъ, напоминаетъ почеркъ поэта. Наконецъ самый слогъ, сохраненный вполне въ приводимой выдержкѣ, не смотря на нѣкоторыя шероховатости, отличается крайнею образностью и силою, чего нельзя сказать о другихъ современныхъ реляціяхъ, составленныхъ вообще витьевато. Дѣло это нынѣ хранится въ Военно-историческомъ отдѣлѣ при шт. кавк. воен. округа.

**) Здѣсь нужно замѣтить, что въ сраженіи на Валерикѣ 11-го іюля поручикъ Лермонтовъ не командовалъ еще дороховскою командою охотниковъ, какъ объ этомъ рассказываетъ профессоръ Висковатый на страницахъ Русской Старины за 1884 годъ. Эту команду Лермонтовъ полу-

Приводимъ здѣсь, какъ дополненіе, отрывокъ изъ стихотворенія, въ которомъ Лермонтовъ даетъ неподобныя картины бивачной обстановки и самого боя на Валерикѣ.

.....
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоять рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали;
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ, разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били,
Какъ доставалось и намъ.
И вижу я, неподалеку
У рѣчки, слѣдуя Пророку,
Мирной татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ;
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе.
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ;
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.
Чу!—дальній выстрѣлъ... прожуж-
жала
Шальная пуля... Славный звукъ!...
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала;
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;
Вотъ проскакалъ одинъ, другой!
Шумъ, говоръ... «Гдѣ вторая рота?»

«Что? вьючить?—«Что-же капи-
танъ?»—
«Повозки выдвигайте живо!»—
«Савельичъ!..» — Ой-ли! — «Дай ог-
ниво!»—
Подъемъ ударилъ барабанъ,
Гудитъ музыка полковая;
Между колоннами вѣзжая,
Звенятъ орудія; генералъ
Впередъ со свитой поскакалъ...
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ казаки;
Ужъ показались значки
Тамъ, на опушкѣ,—два и болѣ;
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ
Въ черкескѣ красной ѣздитъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отваж-
ный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный
бой?
Сейчасъ... Смотрите: въ шапкѣ чер-
ной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій
дымъ...
«Эй вы, станичники, за нимъ!..
«Что?—раненъ?—Ничего! бездѣлка!..»
И завязалась перестрѣлка...
.....
Разъ—это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ.

чилъ только 10-го октября, когда Дороховъ былъ раненъ; въ этомъ же сраженіи Лермонтовъ только передавалъ приказанія высшаго начальства, о чемъ и свидѣлствуетъ журналъ воен-
ныхъ дѣйствій и донесеніе ген. Галафѣева.

Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой:
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удалцовъ;
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ,—
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстирался облаками;
И оживилися лѣса:
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну, дѣло началось.
Чу! въ аръегардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ;
Вотъ тащутъ за ноги людей,
И кличутъ громко лекарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на
пушки,—
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе.
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись,—молчатъ...
Но вотъ, надъ бревнами завала
Ружье какъ-будто заблестало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ,—
И вновь все спряталось въ травѣ...
То было грозное молчанье...
Недолго длилось оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьи
Забилось сердце не одно.
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ
рядами.
Что нужды?—Здѣшніе полки
Народъ испытанный... «Въ штывки,

Дружнѣе!»—раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди...
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
«Ура!»—и смолкло.—Вонъ кинжалы!
Въ приклады!.. И пошла рѣзня.
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь;
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть,—
И зной, и битва утомили
Меня,—но мутная волна
Была тепла, была красна...

На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ первый рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ. Онъ умиралъ;
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно. Онъ шепталъ:
«Спасите, братцы! тащутъ въ горы!..
Постойте! гдѣ же генераль?..
Не слышу...» Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали.. Потомъ
Его останки боевые
Накрыли бережно плащемъ
И понесли... Тоской томимый

Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недви-
жимый.

Между тѣмъ товарищей, друзей
Со вздохомъ возлѣ называли;
Но не нашель въ душѣ моей
Я сожалѣнья—ни печали.

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу. Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ,—
Бя тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генераль
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ ту-
манѣ,

Синѣлъ въ дыму пороховомъ,
А тамъ, вдали,—грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ,
Тянулись горы,—и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ; жалкій человѣкъ...

Начальникъ отряда въ донесеніи своемъ къ генераль-адъютанту Граббе отъ 8-го октября 1840 года такъ отзывался объ участіи Лермонтова въ кровавомъ бою подъ Валерикомъ:

«Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикъ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятели, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отмѣннымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы».

За дѣло подъ Валерикомъ генераль Галафѣевъ представилъ Лермонтова къ Владиміру 4-й степени съ бантомъ, но корпус-

Чего онъ хочеть?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?
Галубъ прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу,—онъ былъ
Кунакъ мой. Я его спросилъ,
Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: «Валерикъ,—
А перевестъ на вашъ языкъ.
Такъ будетъ—рѣчка смерти: вѣрно
Дано старинными людьми!»
—А сколько ихъ дралось примѣрно
Сегодня?—«Тысячъ до семи.»
—А много горцы потеряли?—
«Какъ знать?—зачѣмъ вы не счи-
тали?»

—Да, будетъ,—кто-то тутъ ска-
залъ,—
Имъ въ память этотъ день крова-
вый!—

Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво,
И головою покачалъ...

ный командиръ замѣнилъ эту награду орденомъ св. Станислава 3-й степени въ виду того, что «поручикъ орденовъ не имѣетъ».

Послѣ сраженія подъ Валерикомъ отрядъ Галафѣева 14-го числа вернулся обратно въ крѣпость Грозную, но уже 17-го іюля снова выступилъ къ Міатлинской переправѣ, а потомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда войска направились къ Герзель-аулу, для окончанія постройки этого укрѣпленія. Во время работы предпринимаемы были поиски по разнымъ направленіямъ между Внезапною, Умаханъ-юртомъ и Герзель-ауломъ противъ незначительныхъ чеченскихъ партій, намѣревавшихся прорваться на Сунжу черезъ Кумыкскую плоскость. Окончивъ постройку укрѣпленія, генералъ Галафѣевъ перешелъ въ Грозную, откуда 26-го сентября выступилъ съ отрядомъ черезъ Ханкальское ущелье къ Аргуну для наказанія наибовъ Шамиля, Шуайбъ-моллы и Ахверды-Магомы, за разграбленіе Моздока и увлеченіе въ плѣнъ жителей. Истребивъ значительные запасы сѣна и овладѣвъ аулами Белгатой, Шали и Герменчукъ, войска здѣсь занялись устройствомъ вагенбурга. 4-го октября къ Шали прибылъ съ большою партіею самъ Шамиль; Галафѣевъ атаковалъ аулъ и взялъ его съ бою. При обратномъ слѣдованіи къ вагенбургу нашимъ войскамъ пришлось сдерживать все время бѣшенныя атаки чеченцевъ; до 15-го октября отрядъ занятъ былъ уничтоженіемъ непріятельскихъ ауловъ и затѣмъ вернулся обратно въ Грозную. Въ глубь Чечни Галафѣевъ не рѣшался предпринять движеніе по недостатку боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ и позднему времени года. Поручикъ Лермонтовъ во все время похода состоялъ въ прикомандированіи къ кавалеріи дѣйствующаго отряда и 10-го октября, когда выбылъ раненымъ изъ строя Малороссійскаго казачьяго № 1 полка юнкеръ Руфимъ Дороховъ, три раза разжалованный въ рядовые «за шалости» служившій одно время у насъ полку, Лермонтовъ принялъ отъ него начальство надъ охотниками, выбранными въ числѣ сорока человекъ изъ всей кавалеріи. Эта команда головорѣзовъ, именовавшаяся «лермонтовскимъ отрядомъ», рыская впереди главной колонны войскъ, открывала присутствіе непріятеля, какъ

снѣгъ на голову сваливалась на аулы чеченцевъ и, дѣйствуя исключительно холоднымъ оружіемъ, не давала никому пощады. Лихо заломивъ бѣлую холщевую шапку, въ вѣчно растегнутомъ и безъ погонъ сюртукѣ, изъ-подъ котораго выглядывала красная канаусовая рубаха, Лермонтовъ на бѣломъ конѣ не разъ бросался въ атаку на завалы. Минуты отдыха онъ проводилъ среди своихъ головорѣзовъ и ѣлъ съ ними изъ одного котла, отвергалъ излишнюю роскошь, служа этимъ для своихъ подчиненныхъ лучшимъ примѣромъ воздержанія. Современникъ говоритъ, что Лермонтовъ въ походѣ не обращалъ вниманія на существовавшую тогда форму—отпустилъ баки и бороду и носилъ длинные волосы, не зачесывая ихъ на вискахъ. Начальникъ отряда весьма былъ доволенъ всѣми дѣйствіями партизанской команды и вотъ въ какихъ выраженіяхъ доносилъ высшему начальству о неудержимой удали поэта: «Въ дѣлахъ 29-го сентября и 3-го октября онъ обратилъ на себя особенное вниманіе мое расторопностью, вѣрностью взгляда и пылкимъ мужествомъ, почему 10-го октября, когда раненый юнкеръ Дороховъ былъ вынесенъ изъ фронта, я поручилъ его начальству команду, изъ охотниковъ состоявшую. Невозможно было сдѣлать выбора удачнѣе: всюду поручикъ Лермонтовъ первый подвергался выстрѣламъ хищниковъ и во главѣ отряда оказывалъ самоотверженіе выше всякой похвалы. 12-го октября на фуражировкѣ за Шали, этотъ отличный офицеръ, пользуясь плоскостью мѣстоположенія, бросился съ горстью людей на превосходнаго числомъ непріятели, отбивалъ его отъ цѣпи нашихъ стрѣлковъ и поражалъ неоднократно собственной рукою хищниковъ. 15-го октября онъ съ командою первый прошелъ черезъ шалинскій лѣсъ, обращая на себя всѣ усилія хищниковъ, покушавшихся препятствовать нашему движенію, и занялъ позицію въ разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ опушки. При переправѣ черезъ Аргунъ онъ дѣйствовалъ отлично противъ хищниковъ и, пользуясь выстрѣлами нашихъ орудій, внезапно кинулся на партію непріятели, которая тотчасъ же ускакала въ ближайшій лѣсъ, оставивъ въ рукахъ нашихъ два тѣла». Далѣе начальникъ отряда испрашивалъ,

въ видѣ награды Лермонтову, переводъ его въ гвардію тѣмъ же чиномъ и со старшинствомъ.

Между тѣмъ положеніе дѣла въ Чечнѣ стало принимать серьезный оборотъ; всѣ ея племена примкнули къ Шамилю и на столько увеличили его силы, что средства борьбы оказались уже далеко неравными. Это обстоятельство вынудило командующаго войсками на линіи и въ Черноморіи генерала Граббе самому прибыть къ концу октября въ Грозный и, вопреки его личному взгляду на Шамиля, какъ на простаго оборванца, принять начальство надъ отрядомъ Галафѣева. 27-го числа онъ вступилъ въ Малую Чечню и, пройдя черезъ гойтинскіе и гехинскіе лѣса, истребилъ аулы, уцѣлѣвшіе во время экспедиціи Галафѣева. Въ первыхъ числахъ ноября такимъ же образомъ наказаны были селенія Маюртупъ и Аку-юртъ въ Большой Чечнѣ. Наступившее позднее время заставило генерала Граббе распустить отрядъ.

Лермонтовъ, какъ и прежде, съ отрядомъ своего имени проявлялъ чудеса храбрости. «Во всю экспедицію въ Малой Чечнѣ съ 27-го октября по 6-е ноября,—доносилъ начальникъ кавалеріи кн. Голицынъ,—поручикъ Лермонтовъ командовалъ охотниками, выбранными изъ всей кавалеріи и командовалъ отлично во всѣхъ отношеніяхъ; всегда первый на конѣ и послѣдній на отдыхѣ, этотъ храбрый и расторопный офицеръ неоднократно заслуживалъ одобреніе высшаго начальства. 27-го октября онъ первый открылъ отступленіе хищниковъ изъ аула Алды и, при отбитіи у нихъ скота, принималъ дѣятельное участіе, врываясь съ командою въ чащу лѣса и отличаясь въ рукопашномъ бою съ защищавшими уже болѣе себя, нежели свою собственность чеченцами; 28-го октября, при переходѣ черезъ гойтинскій лѣсъ, онъ открылъ первый завалы, которыми укрѣпился непріятель, и перейдя тинистую рѣчку, вправо отъ помянутаго завала, онъ выбилъ изъ лѣса значительное скопище, покушавшееся противиться слѣдованію нашего отряда, и гналъ его въ открытомъ мѣстѣ и уничтожилъ большую часть хищниковъ, не допуская ихъ собрать своихъ убитыхъ; по минованіи дефиле поручикъ Лермонтовъ съ командою отряженъ былъ къ отряду господина генераль-лейте-

нанта Галафѣева, съ которымъ слѣдовалъ и 29-го числа, дѣйствуя всюду съ отличною храбростью и знаніемъ военнаго дѣла; 30-го октябрю при рѣчкѣ Валерикѣ, поручикъ Лермонтовъ явилъ новый опытъ хладнокровнаго мужества, отрѣзавъ дорогу отъ лѣса сильной партіи непріятельской, изъ которой малая часть только обязана спасеніемъ быстротѣ лошадей, а остальная уничтожена. Отличная служба поручика Лермонтова и распорядительность во всѣхъ случаяхъ достойны особеннаго вниманія и доставили ему честь быть принятымъ господиномъ командующимъ войсками въ число офицеровъ, при его превосходительствѣ находившихся, во все время второй экспедиціи въ Большой Чечнѣ съ 9-го по 20-е число ноября».

За означенную экспедицію кн. Голицынъ въ своемъ представленіи просилъ о награжденіи поэта, золотою саблею съ надписью «за храбрость».

По окончаніи военныхъ дѣйствій въ этомъ году Лермонтовъ нѣкоторое время провелъ въ Пятигорскѣ, откуда и отправился къ мѣсту своего служенія въ ст. Ивановскую. Еще за долго до прибытія въ полкъ, какъ только тамъ полученъ былъ приказъ о переводѣ поручика Лермонтова, полковникъ Данзасъ выхлопоталъ его назначеніе въ одну изъ ротъ своего баталіона. Тогда же онъ былъ зачисленъ въ 12-ю мушкетерскую роту и вотъ только 31-го декабря 1840 г. приказомъ по полку за № 365 былъ зачисленъ налицо.

О пребываніи М. Ю. Лермонтова у насъ имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Наравнѣ со всѣми офицерами онъ дежурилъ по штабъ-квартирѣ полка, производилъ дознанія, о чемъ свидѣлствуетъ его собственноручный рапортъ, которымъ онъ доноситъ: «что порученное ему слѣдственное дѣло, окончивъ, представляетъ» *). Среди тенгинцевъ въ ходу было его юмористическое стихотвореніе, написанное въ защиту офицеровъ, на которыхъ жаловалось станичное правленіе за то, что «они, ходя другъ къ другу въ гости, въ обходъ грязи перелѣзаютъ черезъ плетни огородовъ». На сослуживцевъ поэтъ произвелъ, повиди-

*) См. Приложение X.

мому, неприятное впечатлѣніе своею холодностью, желчностью, раздражительностью и ненавистничествомъ ко всему человѣческому роду. Слишкомъ много говорилъ онъ о своей храбрости, хотя на Кавказѣ этимъ нельзя было никого удивить *). Какъ известно, не многіе могли понять возвышенную натуру Лермонтова, для котораго казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, было какою-то потребностью натуры. Онъ самъ сознавался, что «лучше я, чѣмъ для людей кажусь». Вѣроятно, на своемъ новосельѣ въ полку онъ не сдѣлалъ исключенія изъ своихъ правилъ и потому не могъ пріобрѣсти здѣсь себѣ друзей. Кромѣ того онъ налицо у насъ числился всего двѣ недѣли и уже 14-го января **) уѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ, который ему выхлопотала бабушка, подавъ прошеніе на Высочайшее имя. Государь разрѣшилъ ему двухмѣсячный отпускъ, «если онъ по службѣ усерденъ и въ нравственности одобрителенъ». Но Лермонтовъ пробылъ тамъ не два, а три мѣсяца, т. е. до 13-го апрѣля, и 9-го мая былъ уже снова въ Ставрополѣ. По личной просьбѣ его снова прикомандировали къ штабу войскъ, дѣйствовавшихъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи. Отправляясь къ отряду генерала Граббе, онъ по дорогѣ заболѣлъ лихорадкой и, по совѣту докторовъ и съ разрѣшенія коменданта, остался въ Пятигорскѣ ***). Здѣсь медиками найдено было, что онъ «одержимъ золотухою, цынготнымъ худосочиѣмъ, сопровождаемыми припухлостью языка и ломотою ногъ». Не смотря на двадцать горячихъ ваннъ, принятыхъ Лермонтовымъ, онъ не получилъ облегченія и въ виду того, что «пріостановка лѣченія и неблагопріятныя условія бивачной жизни могли повлечь пагубныя послѣдствія для здоровья», было возбуждено ходатайство о продленіи ему срока пребыванія на минеральныхъ водахъ въ теченіе цѣлаго лѣта 1841 года, на что и послѣдовало согласіе начальника штаба.

Въ Пятигорскѣ Лермонтовъ весело проводилъ время въ об-

---

*) Записки маіора Тенгинскаго полка Бѣлевича и Лорера.

**) Приказъ по полку отъ 1-го февраля 1841 года за № 32.

***) Приложение X. Рапортъ Лермонтова командиру полка отъ 13-го іюня 1841 года за № 20.

ществѣ гвардейскихъ офицеровъ, принимая участіе въ постоянныхъ пикникахъ, кавалькадахъ и прогулкахъ въ горы верхами.

Наступило роковое 15-го іюня, и вдругъ разнесся слухъ, что Лермонтовъ убитъ на дуэли отставнымъ гвардейскимъ маіоромъ Мартыновымъ.

Грустная исторія! Причины ея до сихъ поръ еще не выяснены, а о самой обстановкѣ дуэли и теперь еще говорятъ разное. Какъ бы то ни было, но преждевременно угасъ другой «дивный геній», сраженный, какъ и первый, изъ-за «позора мелочныхъ обидъ». Не странна ли эта аналогія? Но на этотъ разъ не было брошено вызова виновнымъ; вмѣсто него появилось оффиціальное извѣщеніе, гласившее: *«15-го іюня, около 5-ти часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ громомъ и молніей; въ это самое время между горами Машукомъ и Бештау скончался льчивійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ»*.

На слѣдующій день при стеченіи многочисленной публики состоялись похороны. На водахъ случайно оказались представители всѣхъ полковъ, въ которыхъ Лермонтовъ волею и неволею служилъ въ продолженіи своей короткой жизни. На похороны по этому явились почтить послѣднюю почестью товарища полковникъ Безобразовъ—отъ Нижегородскаго драгунскаго полка, прапорщикъ Лореръ—отъ Генгинскаго, Тиранъ—отъ лейбъ-Гусарскаго и А. Арнольди—отъ Гродненскаго гусарскаго. «На плечахъ нашихъ,—говоритъ Лореръ,—вынесли мы гробъ изъ дому и донесли до уединенной могилы кладбища, на покатоствіи Машука, куда и опустили прахъ поэта въ мундирѣ Генгинскаго полка» *).

Черезъ двѣ недѣли послѣ этой горестной утраты, 30-го іюня было получено увѣдомленіе, что Государь Императоръ не согласился на награжденіе Лермонтова орденомъ св. Станислава 3-й степени за отличіе, оказанное имъ въ экспедиціи противъ горцевъ въ 1840 году. При этомъ Его Величество замѣтилъ, что офицеръ этотъ при своемъ полку не находился, но былъ употребленъ въ экспедиціи съ особо порученною ему казачьею

*) Рус. арх. за 1874 г. Записки Лорера.

командою, поэтому повелѣть соизволилъ, чтобы поручикъ Лермонтовъ непременно бы состоялъ налицо во фронтѣ, и чтобы начальство отнюдь не осмѣливалось ни подъ какимъ предлогомъ удалять его отъ службы въ своемъ полку.

Е. А. Арсеньева, всегда трепетавшая за участь своего внука, теперь начала послѣднія свои хлопоты о немъ. Ей разрѣшено было перевезти тѣло его въ Пензенскую губернію и похоронить рядомъ съ могилою матери.

Въ 1889 году поэту, по всероссійской подпискѣ, былъ воздвигнутъ памятникъ въ Пятигорскѣ; на открытіе его прибыла депутація отъ Тенгинскаго полка, въ лицѣ командира полка полковника Щелкачева, капитана Синявскаго и поручика Войниловича, которые и возложили на памятникъ своему однополчанину роскошный серебряный вѣнокъ.

Въ 1841 году роты нашего полка по прежнему разбросаны были по укрѣпленіямъ восточнаго берега Чернаго моря и въ продолженіе цѣлой зимы усиленно трудились надъ приведеніемъ ихъ въ оборонительное положеніе, чтобы по возможности предотвратить повтореніе печальныхъ событій предыдущаго года. Неприглядно протекала жизнь тенгинцевъ за тѣсными стѣнами укрѣпленій—этихъ болѣе или менѣе обширныхъ тюремъ, разсѣянныхъ на громадномъ протяженіи черноморскаго побережья и бдительно наблюдаемыхъ предприимчивымъ неприятелемъ. Удобныхъ помѣщеній для жилья не было. Новороссійскъ, гдѣ помѣщался штабъ перваго баталіона, болѣе походилъ на деревню, нежели на строящійся новый городъ; на каждомъ шагу встрѣчались дома подъ соломенною крышею и съ печью, но безъ стѣнъ, за недостаткомъ хвороста и глины; нѣкоторыя же строенія вмѣсто камыша или соломы были крыты рогожами. Чуть ли не лучшими постройками считались казармы Тенгинскаго полка, у которыхъ стѣны были забраны плетнемъ и обмазаны смѣсью глины и навоза, послѣ высыханія во многихъ мѣстахъ совершенно отстававшею. Не лучший видъ имѣла и кр. Геленджикъ, мѣсто стоянки 3-й гренадерской роты. Только Анапа, полковая наша